На могиле ребенка

В доме воцарилась печаль; все сердца были полны скорби. Младший ребенок, четырехлетний мальчик, единственный сын, радость и надежда родителей, умер. Правда, у них оставались еще две дочери — старшая должна была в этом году конфирмоваться — славные, добрые девочки, но умерший ребенок всегда кажется самым дорогим, а этот к тому же был самый младший, да еще сын. Да, тяжелое испытание выпало на долю родителей. Сестры печалились, как и вообще юные сердца, главным образом глядя на скорбь родителей; отец грустил, но мать совсем была подавлена горем. День и ночь ухаживала она за больным ребенком, лелеяла его, подымала и носила на руках; страдала ведь ее собственная плоть и кровь, часть ее самой! Она не могла и представить себе, что дитя ее умрет, что его положат в гроб и зароют в землю! Господь не мог отнять у нее ребенка, думала она, и вот когда это все-таки случилось, она в порыве болезненного отчаяния воскликнула:

— Господь не знает об этом! У него бессердечные слуги здесь, на земле. Они делают, что хотят, не внимая мольбам матери!

В своем отчаянии она отшатнулась от Бога, и ею овладели мрачные мысли, мысли о вечной смерти, внушавшие ей, что человек становится прахом во прахе и что этим все кончается. Охваченная такими мыслями, она утратила всякую точку опоры и все больше и больше погружалась в мрачную бездну отчаяния.

Слез у нее в эти тяжелые часы не было. Она не думала больше о юных дочерях; слезы мужа падали ей на лоб, но она не замечала его. Все ее мысли были заняты умершим ребенком, она жила только воспоминаниями о нем, старалась воскресить в памяти каждое его невинное детское слово.

Наступил день похорон; несколько ночей перед тем мать не спала, и к утру усталость одолела ее — она забылась сном. В это время гроб унесли в отдаленную комнату, чтобы мать не услыхала ударов молотка, когда стали забивать крышку.

Проснувшись, мать хотела опять посмотреть на ребенка, но муж со слезами сказал ей:

— Мы забили крышку: пора было.

— Если Бог так жесток ко мне, — промолвила она, — то чего же ожидать от людей! — И она залилась слезами.

Гроб опустили в могилу; безутешная мать сидела с дочерьми и смотрела на них, не видя их; мысли ее отшатнулись от семьи, от дома; она предалась скорби и стала ее игрушкой, как становится игрушкой волн корабль без руля и парусов. Так прошел день похорон, за ним потекли однообразные, тяжелые, скорбные дни. Со слезами на глазах, печально смотрели на мать домашние; она не слушала их утешений, да и какие утешения могли они предложить ей — они сами были в таком горе.

Сон, казалось, совсем покинул ее, а он один мог бы оказать ей лучшую услугу, подкрепив тело и успокоив душу. Домашние уговаривали ее ложиться в постель, она слушалась и лежала тихо, словно спала. Но однажды ночью муж прислушался к ее дыханию, и ему показалось, что она действительно нашла, наконец, покой и облегчение во сне. Он набожно сложил руки, помолился и скоро заснул сам здоровым, крепким сном. Он не слышал, как она поднялась, накинула на себя платье и тихонько вышла из дома, чтобы направиться туда, куда день и ночь влекли ее мысли, — на могилу своего ребенка. Она прошла через сад, прилегавший к дому, в поле и свернула на тропинку, которая вела за город, на кладбище. Никто не видел ее, и она никого.

Стояла чудная, ясная звездная ночь. Воздух был еще так мягок, сентябрь только начался. Мать вошла на кладбище и остановилась у могилки, похожей, скорее, на большой букет благоухающих цветов. Опустившись на колени, она приникла лицом к могиле, словно надеясь увидеть сквозь толстый земляной покров своего мальчика. Как живо помнила она его улыбку, любовное выражение глаз! Они были все те же даже на одре болезни! Не забыть ей их никогда! Как много говорил его взор, когда она наклонялась к нему и брала его за руку, которую сам он уже не в силах был приподнять!.. И вот, как прежде, бывало, сидела она возле его кроватки, так теперь сидела у его могилки! Но теперь она могла дать полную волю своим слезам, и они ручьем бежали на могилу.

— Хочешь туда, к твоему ребенку? — раздался возле нее голос. Он прозвучал так ясно и так глубоко отозвался в ее сердце. Она оглянулась; возле нее стояла человеческая фигура, закутанная в длинный черный плащ, с капюшоном на голове. Она заглянула в ее лицо: оно было строго, но внушало доверие, глаза горели чистым юношеским огнем.

— К моему ребенку! — повторила с отчаянной мольбой мать.

— Осмелишься ли ты последовать за мной? — спросило видение. — Я — смерть!

Мать утвердительно кивнула головой. В то же мгновение ей показалось, что каждая звезда над нею вспыхнула, словно полная луна, и осветила разноцветный цветочный ковер на могиле; затем земляной покров мягко осел под нею, точно развевавшийся по воздуху покров, и она стала погружаться в землю. Видение накрыло ее своим черным плащом, и вокруг нее воцарился могильный мрак. Мать опустилась глубже, чем проникает могильный заступ; кладбище легло кровлей над ее головой.

Плащ отодвинулся в сторону. Мать очутилась в огромном приветливом покое. Здесь царил какой-то полусвет, но она в то же мгновение почувствовала, что прижимает к сердцу своего ребенка. Он улыбался ей, сияя новой, незнакомой ей красотой; она вскрикнула, но крика ее не было слышно: возле нее, то удаляясь, то приближаясь, раздавалась чудная музыка. Никогда в жизни не слыхала она таких дивных звуков; они раздавались за черной плотной занавесью, отделявшей этот покой от великой страны вечности.

— Мамочка! Милая моя мамочка! — услышала она голос своего ребенка. Это был его милый, знакомый ей голос! Поцелуи сыпались за поцелуями; мать не помнила себя от радости, но дитя указало на черную занавесь.

— Как там чудесно! Не так, как на земле! Видишь, мама? Видишь их всех, блаженных?

И мать смотрела туда, куда указывал ребенок, но не видела ничего, кроме черной мглы; она смотрела ведь телесными очами, а не так, как ребенок, отозванный Богом к Себе. Мать слышала звуки, но не могла уразуметь слов, которые бы могли вернуть ей веру.

— Теперь я умею летать, мама! — сказало дитя. — Могу улететь вместе с другими добрыми детьми прямо к Богу! Мне очень хочется лететь к Нему, но если ты будешь так плакать, я не смогу оставить тебя! А мне очень хочется! Можно ведь? Ты и сама скоро придешь ко мне, мамочка!

— О, побудь, побудь со мною! — молила она. — Еще минутку! Дай еще разок взглянуть на тебя, поцеловать тебя, прижать к сердцу!

И она крепко прижимала его к себе, осыпая поцелуями. Вдруг кто-то сверху окликнул ее по имени; жалобно звучал призыв. Кто бы это звал ее?

— Слышишь? — сказало дитя. — Это папа зовет тебя!

Через несколько секунд послышались глубокие вздохи, словно всхлипывали дети.

— Это сестры плачут! — сказал ребенок. — Мама, ты ведь не забыла их!

Она вспомнила покинутых ею на земле, и ужас охватил ее; она стала пристально вглядываться в пролетавшие мимо нее тени, и ей показалось, что она узнала некоторые. Они пролетали через покой смерти и скрывались за черной занавесью. Что, если она увидит тут и мужа, и дочерей своих? Нет, их призывы и вздохи раздавались еще там, наверху. Она чуть было совсем не забыла их ради умершего!..

— Мама, зазвонили небесные колокола! Мама, встает солнышко! — сказал ребенок.

Навстречу ей хлынул ослепительный поток света, дитя исчезло, а она поднялась наверх… Холод охватил ее, она подняла голову и увидела, что лежит на кладбище, на могиле своего ребенка: Бог во сне послал ей утешение и поддержку, просветил ее разум. Она пала на колени и сказала:

— Прости меня, Господи, что я хотела остановить полет бессмертной души, забыла свой долг к живым, долг, который возложил на меня Ты!

Молитва облегчила ее душу. А тут взошло солнце, над головой ее запела птичка, колокола зазвонили к заутрене… Как чудесно стало вокруг! И святой мир водворился в ее душе. Она познала Бога и свой долг и поспешила домой. Вот она наклонилась над мужем, разбудила его горячим поцелуем, и из уст ее полились теплые, сердечные слова, полные мужества и утешения. Она, как и подобает мужественной и крепкой духом супруге, открыла для него в своем сердце источник утешения.

«Божья воля все направляет к лучшему!»

И муж спросил ее:

— Где почерпнула ты эту силу утешения?

Она поцеловала его, поцеловала дочерей и ответила:

— Бог послал мне ее на могиле моего ребенка!